

Журналистское чутьё привело в 2003 году Андрея Безденежных к «одному из самых заметных поэтов Ульяновской области» Валерию Крушко (1952–2008). К сожалению, многим нашим читателям его имя мало знакомо. А это был мастер. «Воспитанник, а позже – приверженник Петербургской поэтической школы, Валерий, благодаря своему таланту и постоянной работе над стихом, добился того, что его произведения сделали бы честь любому столичному журналу», – написала Светлана Матлина в предисловии к посмертной книге стихов Валерия Крушко «Пыль пепла». При жизни у него было немного публикаций, а название «симбирской» поэтической подборки сейчас звучит символически: «Идущему вослед».

Поэт Валерий Крушко умер 24 ноября 2008 года в хосписе. Годом раньше, в расцвете творческих сил, скоропостижно скончался журналист Андрей Безденежных. Теперь нет на свете обоих собеседников, но след их встречи остался в ярком, захватывающем интервью.

Светлые мечты

– Моя бабушка по матери – француженка, линия отца – эстонцы. Отсюда и фамилия, по-эстонски она звучит как Крушкё. Родители познакомились в Калининграде – матушка после войны поехала восстанавливать город, а отец служил там во флоте. Родился я в Ульяновске на бывшей Стрелецкой улице – как раз там, где ныне стоит Ленинский мемориал. В 50-х на ней не было асфальта, и прямо по улице постоянно проходили танки – из училища на стрельбы – в Поливно. Дома

на улице были старые и серые, и среди всего этого однообразия крашеным забором и стенами выделялся один единственный дом – дом, где родился Ленин. В него иногда приезжали иностранные экскурсии...

Как сейчас помню, когда мне было лет шесть, приехали несколько разноцветных больших автобусов, вышли оттуда люди в кожаных шортах и тирольских шляпах (кто-то сказал, что это австрийцы), и один из них мне дал огромную шоколадку. Только они отошли, подходят ко мне два дяди в серых костюмах, говорят: «Мальчик! Это нехорошие люди тебе шоколадку подарили!». Конфету у меня отобрали, а я с тех пор – наверное, до окончания школы – стал смотреть на всё «не наше» с большим подозрением.

Учился я в 1-й школе. Она уже тогда являлась «элитной». Вместе со мной

учились четверо детей различных секретарей обкома. Идеологическая подготовка была такая: в случае если приезжали иностранцы, они могли указать пальцем на любого ребёнка, и тот должен был провести экскурсию по школе – рассказать на английском языке, где и как учился Ленин! В подобном отношении к Ленину тогда не было никакой фальши. День 22 апреля был большим и светлым праздником... Моя бабушка-француженка была замужем за одним из командиров Железной дивизии, дружила с женой Гимова – Марией. Обе они были очень набожными, брали меня с собой в церковь, молились за своих умерших мужей. Верили, что так же, как Христос, Ленин пришёл на землю для того, чтобы «продвинуть» человеческое общество.

Жестокая реальность

– Стихи я (наверное, как и все) начал писать лет в 15. Поначалу серьёзно к ним не относился. Мечта у меня тогда была стать военным журналистом. Начитался Хемингуэя, ну и... Хотел ехать поступать во Львовское политическое училище, где был такой факультет, а потом пообщался с ребятами, которые там учились. Они отсоветовали. Сказали: «Иди в войска, и пробивайся в журналистику оттуда. Во Львове с марксизмом-ленинизмом тебя просто убьют!». Я подумал и поступил в училище связи...

Кончилось это плачевно. В училище тогда была просто жуткая дедовщина. На первый курс приходили вчерашние школьники, а сержантами у них становились те, кто уже прошёл армию, натерпелся там «порядков». И весь опыт они теперь «применяли» на нас. Днём у нас был устав, а ночью происходил полный беспредел. Я не выдержал, взбунтовался, стал драться с сержантами и... угодил в дурдом. Пару месяцев меня там проверяли в таких же жутких условиях общего отделения, когда треть его обитателей составляли уголовники, «косившие» от тюрьмы и установившие свои законы...

Но я ещё на что-то надеялся и поступил в педагогический институт. Год послушал лекции по педагогике, основанные на выступлениях Н.К. Крупской и М.И. Калинина, и меня так всё это напрягло! От моего детского патриотизма не осталось и следа! Я столько хотел сделать для этой страны... Да что это за страна?!

– В момент стали «асоциальным элементом»?

– Вроде того. Сначала служил рабочим сцены в драмтеатре, а потом уехал в Питер – «по лимиту». Работал на бумажной фабрике. И здесь познакомился с таким же «лимитчиком», который приехал в Питер аж из Биробиджана для того, чтобы заниматься в литобъединении. Подобных лито в городе было масса: при клубе Первой пятилетки, при клубе М. Горького, при газете «Смена», при журнале «Аврора» и другие. Я за этим парнем увязался и за короткое время имел знакомых уже во всех лито. Везде читал свои стихи. До публикаций, правда, не доходило. Помню, в газете «Смена» мне сказали: «Ты пишешь хорошо, но для того, чтобы продвинуться, тебе нужно запустить пару «паровозов»...

– А что это такое?

– И я то же самое спросил. Мне ответили, что «паровозы» – это такие тексты, которые написаны к какой-то дате – про Ленина, про партию. Между «паровозами», которые являлись признанием любви к системе и признаком твоей благонадёжности, следовало вложить листки со своим «настоящим» творчеством. Самый яркий пример «паровозной» работы – Евтушенко, который писал и «для партии», и для себя. В литературной среде его за это «приспособленчество» недолюбливали. А я молодой был, горячий, к тому же – ломаный. Партийные даты меня ну никак не вдохновляли!

Тогда в Питере я впервые понял, как я должен жить. Понял, что в жизни нужно терпеть, нужно гнуть свою линию и идти до конца. И при этом знать, что твоя «линия» может так и остаться невостребованной. Случилось это в 26 лет, и я могу сказать, что вот тогда-то во мне и родился поэт... Я принял свою судьбу... С тех пор за все тексты, которые я создаю, я отвечаю образом жизни. Потому что, если я пишу ТАК, если считаю себя поэтом, то по-другому жить просто не могу...

Диссидент

– Скоро с бумажной фабрики меня выперли, комнату отобрали. Стал жить у друзей, подрабатывал в котельной, в депо, на заводе имени Жданова. А тогда как было: пишущие машинки можно было взять в прокатном пункте, и при этом каждая из них (как потенциальный инструмент для размножения

антисоветчины) должна была быть зарегистрирована, «судьбу» каждой отслеживали. И вот беру я машинку, начинаю работать у какого-нибудь приятеля, а через несколько дней в квартиру стучатся «люди в сером»: «Что пишете?». Если бы был алкашом, то на меня бы никто внимания не обращал! А так... Прописки у меня уже не было, поэтому предписывали в 24-часовой срок покинуть Питер. Возвращался в Ульяновск, а потом снова ехал в Питер. Такая история с высылкой повторялась раз пять!

– Наверняка считали себя диссидентом...

– Нет. Это были две разные «тусовки»: питерские диссиденты и люди искусства. Хотя мы, конечно же, пересекались. И «запрещённые» книги я и читал, и распространял. Однажды приехал на Московский вокзал, а в портфеле у меня лежат рулоны фотоплёнки с переснятым «Архипелагом ГУЛАГ». И меня чисто случайно задерживают менты. Заводят для проверки документов в отделение, открывают портфель... А я тогда даже не знал, что существует статья за распространение антисоветских материалов. И срок по ней составляет 8 лет! Когда потом узнал, аж плохо стало! А тогда... Спросили у меня: «Что это такое?», и я по наитию ответил: «Порнуха!». Менты попались хорошие – отпустили...

Вообще к диссидентам у меня сложилось неоднозначное отношение. Я всецело согласен с Бродским, который рассказывал, как ехал в ссылку в «стольпинском» вагоне и наблюдал 70-летнего старика, который спёр в колхозе два мешка пшеницы и получил за это срок. Бродский тогда понял, что об этом человеке никогда не расскажет ни одна западная радиостанция, а дети, ради которых он пошёл на воровство, никогда не скажут, что он герой. Старик просто умрёт в тюрьме. Когда Бродский понял это, все люди, занимающиеся правозащитой, стали ему не интересны...

– Чем кончились ваши поездки из Ульяновска в Ленинград?

– В конце 1970-х у друзей созрела мысль фиктивно женить меня на еврейке и переправить в Израиль. Главное было добраться до Австрии, где находилась пересылка для эмигрантов, после неё уже можно было ехать в любую страну. Начался сбор

необходимых документов... Осенью 1979-го я в «последний» раз приехал в Ульяновск, чтобы сообщить о своём решении матери и проститься с ней уже навсегда. Хотел сказать обо всём сразу – не сказал, хотел сказать через день – снова не смог. Язык не поворачивался! А в один из вечеров случайно познакомился с девушкой... И всё. Больше никуда не поехал. Даже в Питер больше не ездил, куда друзья на первых порах, не понимая, что происходит, пытались меня «выдернуть»! Скоро состоялась свадьба...

– Не жалеете, что не уехали?

– Глупо жалеть о чём бы то ни было...

– Где вы работали в Ульяновске?

– На «Приборке», на «Искре». Я довольно неплохой слесарь...

– КГБ не тревожил?

– Тревожил. Пару раз меня вызывали в здание на Льва Толстого. Это называлось «для беседы». Спрашивали, что пишу, что читаю. Ничем не грозили, ничего не советовали. Я же числился в неблагонадёжных, и мне просто напомнили о том, что обо мне помнят. В библиотеке мне не выдавали некоторые книги. По чужому читательскому я мог взять Гумилёва, а по своему – нет! Библиотекарша смотрела на меня искоса и говорила, что «эти книги связаны». Сразу представлялись кипы книг, перевязанных толстой верёвкой с узлами. До сих пор не знаю, что обозначал этот термин! Жажды бороться с властью у меня никогда не было. Поэтому подобные инциденты приводили в недоумение: «За что?!». Я же интересовался только литературой! Причину такого отношения к себе понял значительно позже. Даже не протестуя открыто, всё равно, я был чужд системе, работал против неё одним своим существованием – таких необходимо было «держать на заднем дворе». Когда работал на «Приборке», написал статью про одного рабочего в заводскую малотиражку. Статья понравилась, меня пригласили на ставку. А через какое-то время прихожу, у них глаза в пол: «Вы нам не подходите». Таких, как я, нельзя было допускать даже до такого уровня!...

Перестройка

– В начале 90-х все кинулись в торговлю. И мы с женой тоже. Работала она тогда в институте «Гипроэнерго-ремонт», там начались сокращения штатов, и она стала одной из первых

«челночниц». Вообще почти все первые ульяновские «челноки» – выходцы из подобных институтов. Ездили до Москвы и обратно, торговали на рынке, потом пооткрывали отделы – в ЦУМе, в Кривом доме. У меня был свой рыболовный отдел в ЦУМе. Привозил эхолоты, шведские, французские снасти. Хотел открыть рыболовный магазин. А потом пришла новая власть, поднялась аренда, увеличилась конкуренция. В результате мы обанкротились. Причём остались должны столько, что жена забрала младшего сына и уехала в неизвестном направлении. Через какое-то время узнал, что она в Швеции. Ну а я... Без неё мне плохо и жить, и работать. Поэтому сейчас перебиваюсь случайными заработками. Как я шучу: моя профессия на сегодняшний день – изгой на полставки.

– *Как ваши занятия бизнесом увязывались с сочинением стихов?*

– Во-первых, бизнесменом я никогда не был. Я просто работал у своей жены менеджером. Во-вторых, я – профессиональный поэт, поэтому стихи у меня пишутся всегда. Это уже на уровне физиологии. Если у меня есть два часа времени в сутки, в которые я могу посидеть за столом с ручкой, остальные 22 часа я никакого дискомфорта по поводу того, что «проживаю жизнь зря» не испытываю. Не имеет значения, кем я работаю: ассенизатором или продавцом. 22 часа идёт накопление материала, а потом за 2 часа всё это вышлёскивается. Как машина – однажды завелась и постоянно в определённом ритме работает. Этот ритм только кажется механическим. Но без него человек умирает...

– *В 90-х у вас появились деньги. Почему не издавались за свой счёт?*

– Я и при Советах не горел желанием сделать всё, что можно, для того чтобы издаться. Приносил рукописи в издательство, не ставили их в план, ну и ладно... В 90-х издаться стало проще – или за свой счёт, или за счёт спонсора. Некоторые наши ульяновские писатели на сегодняшний день издали таким образом штук по 20 своих книжек на папиросной бумаге, пробитой канцелярскими скобками. Я никогда не пытался навязать себя таким образом. У меня амбиций на этот счёт нет. Платить деньги просто ради собственного тщеславия?! По моему, это глупо... Да, я не состоялся

как публичный литератор. Но в этом городе ни у кого язык не повернётся сказать, что я не состоялся как поэт. Это для меня гораздо важнее.

Философия

– *Нет ли у обиды, что вы не состоялись как публичный литератор?*

– Абсолютно никакой! Обида на это, возможно, была у моей семьи, у моей жены, которую я своим образом жизни достал. Она терпела все мои «муки творчества», ждала материального результата, а его так и не было. Быть связанным по жизни с поэтом трудно. Потому что, когда он работает над стихом, он уходит в это с головой. А состояние творчества иногда приходит в самый неподходящий момент...

Мой старший сын закончил юрфак УлГУ, вместе с подругой поехал по студенческому обмену в США и работает там менеджером в кафе и в розничной торговле. Да ещё и в колледже учится. Спит 4 часа в сутки, остальное время пашет... Меня постоянно гложет, что сын уехал из-за меня! Потому что я, его отец, не смог здесь обеспечить ему нормальный уровень жизни. А почему не смог? Потому что я – поэт...

– *А можно ли прокормиться настоящей литературой, стихами?*

– Теми стихами, что писаны для души, а не «к юбилею партии», в нашей стране прокормиться нельзя! Так было всегда... Пушкин оставил после себя долгов на 40 тысяч рублей (гигантская по тем временам сумма!), которые потом выплатил Николай I. Если уж Пушкин жил в бедности, то что говорить об остальных?

– *Как вы относитесь к современной литературе: детективам, фантастике, любовным романам?*

– Когда мне показывают подобные книги, я говорю, что такие тексты могу писать километрами! И доказываю это. Беру ручку и спрашиваю: «Сколько строк написать?» В поэзии подобные вещи называются версификацией. В царские времена этим в совершенстве владел (чтобы писать письма любимой девушке) любой гимназист.

– *Оставим денежный вопрос... Как вы думаете, почему одни талантливые люди добиваются публичного признания, а другие так и умирают в неизвестности?*

– Тут всё просто. Процесс разделения труда существовал всегда: один

человек что-то находил и приносил, другой обрабатывал, третий продавал. Труд – это конвейер. Одному человеку трудно преуспеть одновременно и в том, чтобы создать произведение искусства, и в том, чтобы это ещё и продать. Если ты написал гениальное стихотворение, но его никто не увидел, ты умрёшь в неизвестности, хотя ты и состоялся как поэт. Если ты гениальный продавец, но торгуешь дешёвыми журналами, тебя забудут сразу же после твоей смерти, хотя ты и состоялся как торговец. Талантливые люди добиваются публичного признания, либо когда сочетают в себе и творца, и промоутера, либо когда рядом с талантливым творцом оказывается талантливый промоутер. И чем выше уровень их талантов, тем более «вечные» произведения у них получаются, тем дольше о них помнят... Кто подсказал Ван Гогу отрезать себе ухо, а потом нарисовать автопортрет? Никто! Это было гениальное наитие, заставившее людей обратить на него внимание: «Кто такой Ван Гог? А, это у которого «крыша» поехала? Дайте-ка, я на его картины посмотрю»...

– *Вопрос, который задаю всем: «В чём заключается смысл жизни?»*

– В процессе. В том, чтобы жить и осознавать себя в жизни. В том, чтобы любить жизнь во всех её проявлениях, давать ей то, что ты можешь дать, и не давать то, что ей мешает...

– *Говорят, что процесс творчества близок к состоянию экстаза, в которое во время молитвы может погрузиться верующий человек...*

– Ничего похожего! Творчество для меня – это мучение и радость, а вера в Бога – прежде всего «страх Божий», ощущение того, что чтобы ты ни делал, на тебя постоянно смотрит Тот, перед кем тебе стыдно за всё нехорошее, что ты делаешь. Страх этого стыда – это для меня и есть вера в Бога. Наша совесть – лучшее доказательство существования Создателя. Если нет на небе никого, зачем она была бы нужна?

– *Хочу спросить: если бы была возможность, уехали бы в Америку?*

– Никогда...

– *Что держит?*

– Симбирск... Пусть эта земля не совершенна, но ходить я хочу только по ней! Собственно и критикую, потому что люблю. Если бы не любил, уехал бы ещё тогда – в 1979-м...